

Лиссана

Маша ГРОМ и её НЕЖНЫЙ МОНСТР

18+

ЛИССАНА ЛИССАНА

Маша Гром и её нежный монстр

«Автор»
2026

ЛИССАНА Л.

Маша Гром и её нежный монстр / Л. ЛИССАНА — «Автор», 2026

Он даже бровью не повёл. Просто посмотрел так, будто я уже труп.Я подумала: «Ну всё, Маруся, ты влипла». А он сказал: — Придёшь ко мне работать. Отработаешь.Я думала — шутка. Оказалось — приказ.Только я не умею выполнять приказы. Я умею только чинить тачки и посылать красивых мужиков подальше.Но этот не посылается. Этот сам приходит и ставит условия.Маша Гром. Механик, который не верит в любовь. Ярослав Северский. Человек, который не верит в «нет».Между нами — испорченная дверца, секретная прошивка под капотом и одна ночь, после которой мне уже не починить себя.Он — Север.Я — Гром.Когда мы встречаемся, весь город накрывает магнитной бурей.Купить. Читать. Влюбиться.

© ЛИССАНА Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Королева масла и сажи 5
Глава 2. Кактус, который убил мою свободу 10
Г 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

ЛИССАНА ЛИССАНА
Маша Гром и её нежный монстр

Глава 1. Королева масла и сажи

Меня зовут Маша. Маша Гром. И нет, это не сценический псевдоним и не прозвище из бандитской группировки. Это фамилия, которая обязывает.

Сегодня у меня было три задачи: перебрать карбюратор старенькой «Волги» клиента-пенсионера дяди Толи, принять запчасти с «левой» поставки (спасибо, что не спрашиваете, откуда ноги растут) и не убить никого до обеда.

С последним пунктом выходило так себе.

— Марусь, ну ты чего такая злая? — заглянул в смотровую яму мой помощник Колян, вечно сопливый парень двадцати двух лет, который мечтал стать гонщиком, а работал в сервисе за еду и возможность поковыряться с железками.

— Я не злая, — буркнула я, высунув голову из-под машины. — Просто этот болт меня достал. Принеси ключ на двадцать четыре.

— На двадцать четыре? — Колян почесал затылок. — А где он?

— Там, где я тебе вчера сказала. В ящике с маркировкой «умные инструменты для тупых людей». Тебе должно быть знакомо.

Колян обиженно шмыгнул носом и поплелся в угол гаража. Я вытерла руки промасленной тряпкой, которая когда-то была белой, и посмотрела на часы. Десять утра. Жара уже под тридцать. В гараже пахло бензином, металлом и мужским потом — в общем, стандартный букет моего личного рая.

Сервис «ГромАвто», доставшийся мне от отца, был моей крепостью. Маленький, грязный, вечно на грани разорения, но мой. Отец построил его своими руками, когда я была ещё мелкой, и вбил мне в голову простую истину: «Машина, Маруся, — это не просто железки. Это душа. И её тоже нужно лечить».

Отец умер пять лет назад. Когда мне было шестнадцать. Рак поджелудочной. Быстро, больно. Оставил мне этот гараж, долги и привычку не ныть.

Я не ныла. Я работала.

— Марусь! — заорал Колян так громко, что я чуть не ударилась головой о днище. — Тут к тебе пришли!

— Кто? — крикнула я, вытирая пот со лба.

— Не знаю. Какой-то лощеный. В белой рубашке! Похож на очередного коллектора из банка.

— В рубашке? — Я присвистнула. — В такую жару? Скажи ему, что я занята. И что приёма нет. И что я вообще уехала… в Тундру.

— Он говорит, что у него срочное дело!

— У всех срочное дело, Колян! Скажи, пусть пишет письменное обращение в трёх экземплярах и ждёт ответа в течение тридцати дней!

Колян засмеялся, но через минуту появился в проёме с виноватым лицом:

— Он не уходит. Говорит, что перекроет въезд, если ты не выйдешь.

— ЧТО?

Я вылетела из гаража как ошпаренная. Нет, не потому что испугалась. А потому что въезд — это святое. Если его перекроют, клиенты не заедут, а клиенты — это деньги, а деньги — это возможность не закрыть сервис на этой неделе.

На площадке перед воротами стоял ОН.

Высокий. Под два метра. Плечи — будто вешалка для костюма от Армани. Светлые волосы, собранные в небрежный хвост, борода, уход за которой наверняка больше моего месячного бюджета на еду и жильё. И глаза. Голубые. Холодные. С таким взглядом обычно смотрят на тараканов перед тем, как наступить.

Он стоял, прислонившись к своему внедорожнику — чёрному, начищенному до блеска, явно дороже всего нашего гаража вместе взятого. В руках — телефон. В глазах — скука.

— Вы перекроете мне въезд? — спросила я, уперев руки в бока. Я была в промасленной майке с надписью «Не трогай, я опасна» (подарок подруги на день рождения), джинсах, которые видели лучшие дни, и ботинках, которые пахли хуже, чем Колян после ночной гулянки.

— Вы Мария Гром? — спросил он, даже не взглянув на меня. Смотрел в телефон.

— Да. Но для вас — та самая Гром, что сейчас объяснит вам, как парковаться.

Он поднял глаза. Удивление мелькнуло на секунду, но он быстро взял себя в руки.

— Мне сказали, вы лучший механик в этом городе.

— Вам сказали правду.

— Тогда почему вы выглядите как бомж?

Я улыбнулась. Широко. По-кошачьи.

— А вы как звезда из Спасателей Малибу. У всех свои недостатки.

Он хмыкнул. Кажется, это был смешок.

— Мне нужна ваша помощь. — Он убрал телефон в карман и наконец посмотрел на меня. — Моя машина… странно себя ведёт.

— Странно — это как?

— Она глохнет. На ходу. Без причины.

— Без причины машинки не глохнут, — я обошла его внедорожник, прищурившись. — Или бензин кончился, или мозги.

— Какие мозги?

— Электронные, — я хмыкнула. — Вы, богатенькие, любите набивать тачки электроникой под завязку. А потом удивляетесь, что она глючит быстрее, чем ваш последний брак.

Он прищурился.

— Откуда вы знаете про мой брак?

— Я не знаю. Я просто предположила. У вас кольца нет, а взгляд такой… будто вам кто-то жизнь подпортил. Сильно.

Тишина. Он смотрел на меня. Я смотрела на него. В гараже заиграло радио — какой-то шансон про дальнобойщиков и несчастную любовь. «Идеальный» саундтрек.

— Вы всегда такая дерзкая? — спросил он наконец.

— Только по вторникам и четвергам. А также в среду, пятницу, субботу, воскресенье и понедельник. Выходной у меня только во сне.

— А если я заплачу в два раза больше обычного?

— Я подумаю, но сначала нужно осмотреть зверя.

Я подошла к капоту. Он открыл его сам. Видимо, привык, что женщины с руками в мазуте не должны трогать дорогие вещи. Но как же он ошибался. Я залезла внутрь с головой, поцокала языком, пощупала патрубки, заглянула в расширительный бачок.

— Ну что, доктор? — спросил он с иронией.

— У вас умирает лямбда-зонд, — сказала я, не оборачиваясь. — И датчик массового расхода воздуха скоро канет в Лету. И ещё… вы заливаете 95-й?

— Да. А что?

— А надо 98-й. У этого зверя аппетиты похлеще, чем у вашей бывшей тёщи.

— Откуда вы… — он запнулся. — Ладно, не важно. Сколько?

— Работы на два часа. Запчасти есть. Шесть тысяч.

— Долларов?

— Рублей, — я фыркнула. — Я не «Мерседес-Бенц», я гараж «ГромАвто». У нас демократия.

Он снова хмыкнул. На этот раз громче. Кажется, я начинала ему нравиться. Или раздражать. Обычно это одно и то же.

— Хорошо. Делайте.

— Только один нюанс, — я вытерла руки о штаны. — Машина останется здесь. Вы уедете на такси. Заберёте через два часа.

— Я не могу оставить машину, — он нахмурился. — У меня встреча через три часа.

— Тогда отмените.

— Я не отменяю встречи.

— А я не работаю под присмотром, — я улыбнулась. — У меня нервы слабые. Волнуюсь, когда на меня смотрят. Могу накосячить. А если накосячу — прощай, двигатель. Хотите рискнуть?

Он посмотрел на меня так, будто решал, выгоднее меня убить или нанять. Победила жаба.

— Ладно. Два часа. Чтоб была как новая.

— Как новую не обещаю, но заводиться будет.

Он развернулся и пошёл к выходу. Шикарная походка. Такая бывает у людей, которые управляют другими.

— Эй! — окликнула я.

Он обернулся.

— Вас хоть как зовут?

— Ярослав, — сказал он. — Ярослав Северский.

— Северский, — я присвистнула. — Фамилия как у полярника или бандита из девяностых. Вы случайно не в Антарктиде родились?

— Нет. — Он едва заметно улыбнулся. — В Москве. Но характер северный.

— Учту. Давайте ключи и валите, Ярослав Северский. Увидимся через два часа.

Он бросил мне ключи. Я поймала их одной рукой, не глядя. Он хмыкнул снова и вышел за ворота.

Я смотрела ему вслед. Красивый, чёрт! Опасный. Именно таких надо обходить стороной, если хочешь сохранить сердце целым.

Но сердце у меня уже было разбито вдребезги год назад одним козлом, который променял меня на свою секретаршу с сиськами четвёртого размера. С тех пор я не влюблялась. Только чинила.

— Колян! — крикнула я. — Готовь инструменты. У нас тут VIP-клиент.

— А что за клиент? — высунулся Колян.

— Красавчик, мажор очередной — буркнула я, залезая под капот. — Но мажор с баблом.

Через час я поняла, что ошиблась.

Этот «красавчик» явно кто-то серьёзный. В машине, помимо стандартного электронного оснащения, была скрытая система связи, которая не ставится на гражданские автомобили. И защита от прослушивания. И бронированные вставки в дверях.

— Колян, — позвала я тихо. — Подойди.

— Чего?

— Посмотри сюда.

Я показала ему блок под капотом, который явно не был заводским.

— Это ж… — Колян побледнел. — Это ж спецсвязь! У моего дяди была такая, он на Лубянке работал!

— Вот именно.

Я вылезла из-под капота и вытерла пот со лба. Северский. Ярослав Северский. Кто ты такой, чёрт возьми?

Телефон завибрировал. Я глянула на экран — незнакомый номер.

— Да?

— Ничего лишнего не трогайте, — буркнул голос в трубке.

Ну, конечно, Ярослав. Кто ж ещё!

— Что?

— Вы слишком любопытны для простого механика.

— Система связи в машине. Броня. Вы кто? Шпион? — заорала я в трубку.

— Ярослав Северский, — спокойно ответил он. — Владелец сети цветочных магазинов.

Я чуть не выронила телефон.

— Цветочных?

— Да. «Северский сад». Слышали?

— Это те, где орхидеи по три тысячи долларов?

— Они самые.

— И владелец цветочных магазинов ездит в машине со спецсвязью? — я хмыкнула. — Вы либо воруете эти орхидеи, либо прикрываетесь ими.

— Узнаете — получите скидку на букет, — в его голосе послышалась усмешка. — До встречи через два часа.

Он отключился.

Я посмотрела на телефон, потом на машину, потом на Коляна, который стоял с открытым ртом.

— Ты чего?

— Марусь, — сказал он шепотом. — Ты только что поцарапала дверь.

— Где?!

Я метнулась к водительской двери. На идеально чёрном покрытии красовалась тонкая белая полоса. Я провела пальцем — царапина, мелкая, но для такого педанта, как Северский, это будет катастрофой.

— Твою ж дивизию! — выдохнула я.

— Что делать? — заволновался Колян.

— Полировать, что ещё! — рявкнула я. — Неси полировальную машинку!

Колян убежал. Я осталась стоять, глядя на царапину.

Цветочный магнат. Машина со спецсвязью. Северный взгляд. И царапина на дверце.

День переставал быть томным.

Я залезла внутрь, включила зажигание — двигатель заурчал, как сытый кот. Чистая работа. Осталось только убрать царапину, и можно сдавать тачку.

Но почему-то я не хотела, чтобы он забирал машину. Хотелось, чтобы он остался. Чтобы ещё раз посмотрел на меня своими голубыми глазами. Чтобы спросил что-нибудь ещё. Чтобы…

— Тьфу, — я хлопнула себя по щеке. — Влюбиться в клиента? Маруся, ты совсем с катушек слетела? Он же из другого мира. Из мира, где орхидеи дороже, чем твой гараж.

Но сердце стучало быстрее. И я знала, что когда он вернётся через два часа, я не останусь равнодушной.

Я вообще не умею быть равнодушной. Это мой главный недостаток.

Я вылезла из машины и пошла искать полироль.

Два часа пролетели незаметно. Царапину я убрала, двигатель работал как часы, и даже Колян умудрился не обляпаться мазутом.

Северский появился ровно в назначенное время. Без опозданий. Я ценю пунктуальность.

— Привет, цветочный король, — сказала я, вытирая руки о штаны. — Машина готова.

— Ярослав, — поправил он. — Без титулов.

— Как скажете, Ярослав.

Он обошёл машину, проверил кузов, заглянул под капот, прислушался к работе двигателя. Я стояла, скрестив руки, и смотрела.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Действительно хорошо.

— Я же говорила.

— Сколько я вам должен?

— Шесть тысяч, как договаривались.

Он достал бумажник — кожаный, явно ручной работы, — и протянул мне купюры.

— Здесь десять, — заметила я. — Я не даю сдачи.

— Не надо. Это чаевые.

— За что?

— За то, что вы не испугались.

— Чего?

— Меня, — он усмехнулся. — Обычно меня боятся. Особенно женщины.

— Я не обычная женщина, — я убрала деньги в карман. — Я механик.

— Я заметил.

Он задержал взгляд на моей майке. Надпись «Не трогай, я опасна» выделялась ярко.

— Предупреждение? — спросил он.

— Факт, — ответила я.

Ярослав хмыкнул, но в глазах мелькнуло что-то похожее на интерес. Он открыл водительскую дверь, но перед тем как сесть, обернулся.

— Мария, — сказал он негромко. — Если когда-нибудь решите сменить профессию, знайте, в цветочном бизнесе тоже нужны люди с характером.

— Сменю, когда орхидеи начнут ломаться, как двигатели, — отрезала я, но уголки губ дрогнули.

Он кивнул, сел в машину и захлопнул дверь. Двигатель взревел ровно, без сбоя. Я знала своё дело. Северский вырулил со двора, даже не взглянув в зеркало заднего вида. Просто уехал.

Как будто его и не было.

Я стояла посреди гаража, глядя на пустой проём ворот. Колян вылез из подсобки с бутербродом.

— Ну чё, укатил твой цветочный мафиози?

— Укатил, — выдохнула я. — И чего ты стоишь столбом? Работай давай, у нас «Газель» на замене масла.

Я мотнула головой, прогоняя наваждение, и пошла к домкрату. Но в кармане куртки грели десять тысяч, и почему-то от них пахло не деньгами, а орхидеями.

Глава 2. Кактус, который убил мою свободу

Неделя после Северского пролетела как один долгий, бесконечный день. Я меняла масло, стучала ключами, спорила с Коляном из-за съеденного бутерброда, пахнущего дешёвой колбасой, и гнала от себя мысли о пронзительных глазах, «Мерсе» со спецсвязью и мужике, за которым тянется шлейф такого калибра проблем, что нормальные механики крестятся, а не берут чаевые.

Но, кажется, я влюбилась. Влюбилась по уши, по самые прокладки ГБЦ. Но признаться в этом, значит подписать себе смертный приговор. Такие, как Северский, не женятся на механиках. Они продают орхидеи за три штуки баксов и разъезжают на бронированных монстрах.

Но судьба — та ещё стерва. Она любит подкрадываться сзади, хватать за задницу и бить под дых. Жёстко. Со вкусом.

В ту ночь я должна была забрать движок. Нелегальный, «левый», для «Мустанга» 67-го года — машины, которую какой-то коллекционер из области собирал по винтикам уже три года. Заказчик платил триста тысяч.

Триста тысяч, Карл!

Я должна была просто приехать, забрать, отвезти. Легче лёгкого. Дело плёвое. Я такие операции проводила раз в месяц, и ни одна не провалилась.

Я не учла одного: полиция тоже не спит.

— Марусь, там менты! — заорал Вадик в трубку, когда я уже подруливала к боксу. — У них облава на выезде из промзоны! Не суйся! Слышишь? Не суйся, там целая рота!

— Поздно, Вадик, — процедила я, вцепившись в руль. — Я уже внутри.

Мой хороший приятель, который переодически подкидывал мне такие заказы, жалобно всхлипнул:

— Ну, держись там! — и отключился.

Движок лежал в кузове, укрытый брезентом. Красивый, тяжёлый, чёрный. Я накрыла его сверху парой пустых канистр и старым, промасленным комбинезоном. Надёжно? Как бы не так.

Я вырулила из бокса и сразу увидела их. Две патрульные машины перекрывали выезд на трассу. Мигалки вращались, фары слепили глаза.

И у меня включился режим «беги, Маруся, беги».

Кто-то из моих бывших говорил, что у меня талант влипать в истории. Врал. Это не талант. Это проклятие.

— Держись, железяка, — шепнула я старой буханке, вдавила педаль в пол и свернула в боковой проезд.

Буханка взревела, заскрипела всеми своими старыми суставами, но понеслась. Я петляла по ночным улицам,срезала дворы, чуть не снесла мусорный контейнер, вылетела на проспект.

Сирена выла за спиной, сердце колотилось где-то в горле, в ушах стучала кровь. Я свернула во дворы, надеясь оторваться.

И тут — удар.

Грохот.

Металл взвыл, как живой. Меня бросило на руль, грудная клетка встретилась с баранкой так, что искры из глаз. Я влетела прямо в зад здоровенного чёрного джипа.

Из-под капота «буханки» повалил пар. Фары разбиты. Бампер повис и жалобно скрежетал по асфальту.

И главное — сирена сзади резко замолкла.

Я сидела, вцепившись в руль побелевшими пальцами, и смотрела, как из ментовской машины выходит лейтенант. Молодой, самоуверенный, с лицом человека, который только что поймал нарушителя и предвкушает премию. Он сделал шаг в нашу сторону, достал жезл.

Но подойти не успел.

Дверь чёрного джипа открылась. Медленно. Величественно. Как в кино.

Из него вышел Ярослав Северский.

На нём был тёмно-синий костюм, сшитый вручную. Я готова поспорить на свой последний разводной ключ. Белая рубашка, расстёгнутая на верхнюю пуговицу. И туфли, в которых отражались звёзды.

Боже! Даже после аварии он выглядел как чувак с обложки журнала.

Лейтенант узнал его. Я это видела по тому, как вытянулось лицо, как он сглотнул и замер на месте. Рука с жезлом опустилась сама собой.

Северский подошёл к нему, что-то сказал. Я не расслышала, но голос его был низким и спокойным. Лейтенант кивнул, развернулся, сел в машину и уехал.

Просто уехал.

Как будто ничего не было.

Я выдохнула. Грудь всё ещё ходила ходуном, руки дрожали, и кажется, я прикусила губу до крови. Я вылезла из кабины, ноги подкашивались. Подошла к месту столкновения, чтобы оценить ущерб, и нос к носу столкнулась с Северским.

Близко. Слишком близко.

Я почувствовала его запах: холодный, свежий, с нотками цитруса. Мурашки побежали по спине, и я ненавидела себя за эту реакцию.

— Вы? — выдохнула я, пытаясь вернуть голосу хоть каплю дерзости.

— А вы кого-то другого ожидали увидеть? — поинтересовался он. Температура его голоса опустилась градусов на двадцать ниже нуля. — Санту? Зубную фею?

— Спасибо, — выдавила я, сглатывая. — Что проводили ментов.

— Я не для вас старался, — отрезал он холодно. — Проблемы мне ни к чему. Тем более когда на заднем сиденье редкий кактус из Красной книги.

Кактус.

Сердце сделало кульбит и ухнуло вниз.

Северский подошёл к задней двери, открыл её и замер.

Я заглянула через его плечо.

На заднем сиденье, в разбитом пластиковом контейнере, лежал кактус. Огромный, размером с небольшую собаку. Изумрудно-зелёный, с редкими серебристыми колючками и невероятным, ярко-розовым цветком на макушке. Цветок был раскрыт — нежный, почти светящийся, как звезда.

Но стебель был переломлен пополам. Из разрыва сочилась белая липкая жидкость.

Кактус умирал. Я видела это по тому, как поник цветок.

— Охренеть, — выдохнула я.

— Можно и так сказать, — ледяным тоном ответил Северский.

Он молчал. Просто смотрел на мёртвое растение, и в его глазах застыла такая ледяная ярость, что мне захотелось провалиться сквозь землю. Или спрятаться за буханку. Или убежать на край света.

— Это Echinopsis ancistrophora extra — произнёс он ровно, но в голосе звенела сталь. — Редчайший экземпляр. Единственный в своём роде в этой части страны. Я вёз его из Перу. Три дня. С пересадками. Что ты сделала?

— Я… я случайно…

— Случайно? — он резко обернулся и посмотрел на меня в упор. — Стоимость этого растения — тридцать тысяч долларов. Тридцать. Тысяч. Долларов.

У меня пересохло в горле. Я сглотнула, но комок не проглатывался.

— Я… я заплачу. Дайте время, я соберу…

— Как? — он шагнул ко мне. — Как ты заплатишь, Мария? Продашь сервис, в котором прописана половина левых запчастей этого района? И который держится на честном слове и твоём упрямстве?

— Откуда вы…

— Я навёл справки и знаю про тебя всё. — Он смотрел на меня сверху вниз, и я чувствовала себя букашкой под микроскопом. — Твой отец оставил тебе этот сервис. Ты вбухала в него все имеющиеся деньги и все силы. И сейчас ты на мели. Я прав?

Я молчала.

— И ты мне к тому же должна за ремонт джипа. Посмотри, что ты сделала с моей машиной. — Он кивнул на разбитый зад. — Это ещё червонец. Зелёных.

— Сколько?! — выкрикнула я, и голос мой сорвался. — Вы с ума сошли? Я не заработаю столько и за два года!

— Значит, будешь зарабатывать иначе. — Он скрестил руки на груди, и ткань пиджака натянулась на широких плечах. — Моим личным водителем.

Я поперхнулась воздухом.

— Что? Да пошли вы!

— Что-что?

— С чего вы взяли, что я соглашусь? — Я шагнула к нему, сжав кулаки. — Я механик, а не горничная на колёсиках.

— Ах да, — он усмехнулся уголком губ. — Ты же у нас бунтарка. Дерзкая. Независимая.

— Именно!

— Тогда тем более. — Он сделал шаг ко мне, и вдруг его лицо оказалось слишком близко. Я видела каждую ресницу, каждую искорку в голубых глазах.

— Я обожаю ломать таких. Особенно красивых.

У меня перехватило дыхание.

Он назвал меня красивой?

Нет. Нет. Не ведись, Маруся. Это ловушка.

— Соглашайся, — его голос стал ниже, он говорил почти шёпотом. — Или я оформлю долг официально. Мои юристы любят такие дела. Сервис опишут. А твой паренёк останется без работы. И ты тоже.

У меня внутри всё перевернулось. Сервис — это всё, что осталось от отца. Его память. Его дело. Запах масла и металла. Старый чайник, в котором он всегда заваривал чай. Его фотография на стене.

Я не могла это потерять.

— Вы… — прошептала я. — Вы чудовище!

— Я всего лишь торгую цветами, — поправил он, и в глазах блеснули смешинки. — Но чудовищем меня тоже называли. И не раз.

Я стояла и смотрела на разбитый джип, на мёртвый кактус, на его безупречное лицо в свете фонаря. И понимала: выхода нет. Он загнал меня в угол.

— Два дня, — выдавила я сквозь зубы. — Мне нужно подумать. Прийти в себя. Переварить.

— Ты уже согласилась, — он усмехнулся и протянул мне визитку — плотный картон и тиснение золотом. Всего одна фамилия: «Северский» и адрес.

— Завтра. В восемь утра. Мой офис. Опоздаешь — за каждый просроченный час долг будет расти на десять процентов.

— Это незаконно!

— Это бизнес, Мария. — Он развернулся и направился к водительской двери. — В бизнесе нет законов.

Он сел в искореженный джип, завёл двигатель, и машина, несмотря на разбитый зад, заурчала ровно и мощно. Северский уехал, даже не взглянув на меня в зеркало заднего вида.

Просто исчез в ночи.

Я стояла одна посреди двора, рядом с разбитой буханкой, и смотрела на чёрные следы шин на асфальте. В руке всё ещё была зажата визитка. Дорогая. Холодная. Как его взгляд.

— Козёл! — выдохнула я в пустоту. — Цветочный козёл!

Но губы предательски дрогнули.

Потому что в глубине души я знала: это не конец.

Это только начало. И я, кажется, только что приобрела билет на самые опасные американские горки в своей жизни.

Я опустила взгляд на визитку и вдруг заметила, с обратной стороны было что-то написано. Мелким, ровным почерком. Я поднесла к глазам.

«Царапину на двери ты зашлифовала отлично. С.»

Я фыркнула и засмеялась. В голос. Громко. До слёз.

Он заметил. Этот гад заметил, что я исправила тогда косяк.

— Чёрт бы тебя побрал, Северский! — выдохнула я, пряча визитку в карман.

Луна надо мной насмешливо подмигнула.

Впереди была долгая ночь. И первое утро моей новой жизни в рабстве у цветочного короля

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.